

ЖИЛИ ЕДИНОЙ СЕМЬЁЮ

С интересом встретили читатели "районки" статью Г. Агнищенко "Латыши", опубликованную в одном из номеров газеты. Доброй памятью отзывалась она в сердцах людей, знаяших представителей этой национальности, живших рядом с ними. Особенно взволновала публикация самих латышей, которых ещё немало проживает на территории нашего района, о чём свидетельствуют отзывы, поступающие в редакцию.

Мы продолжаем публиковать материалы на данную тему.

Безземельные и малоземельные латышские крестьяне приобрели себе участки не только в Выдре. Они поселились в деревнях Стасево, Уно, Буй, Брежево, Глодонки, Горбово и других населённых пунктах. Переселенцы, как правило, оседали по вполне понятной причине вблизи столбовых дорог. Таким образом, в Михалиново и соседние деревни приехало более 20 латышских семей. Среди них значились такие фамилии, как Авин, Апет, Берзин, Стилник, Балдис, Улит, Стырно, Янсон, Петерсон, Вепрет, Бояр, Боет, Целов, Берскал, Балин, Страздин, Целов, Лельмеж, Мезек, Скурстен, Веен и т. д. Расселились они, начиная от Михалинова вплоть до Уна и Стасева. Ещё и сейчас можно видеть следы латышских поселений: добротно сработанные склепы, пруды, правда, уже заросшие, и многое другое. Видно, на каких красивых местах селились эти люди: на холмах, берегах речек, дополняли великолепие природных пейзажей рукотворной красотой. Строили плотины, запруды, делали мельницы, выкалывали пруды, сажали сажелки, озеленяя их. Сажали сады, устраивая вокруг них естественные ограждения. В каждом хозяйстве были садовые цветы и, как правило, пчелиные пасеки. Щедро делились с соседями не только опытом хозяйствования, но и всем тем, что имели.

Латыши, как мужчины, так и женщины, помнится, были аккуратны во всем: в одежде, в ведении хозяйства. Скот у них был сытый, ухоженный. Свои владения хозяин обходил с лопатой, чтобы луг не засорялся. Осушали болотистые места. Жившие с нами по соседству Янсон, Петерсон разработали в огромной горе глинистый карьер, построили своими руками глинибутку, в которой долгое время жила семья, медленно и добротно достраивая новый большой дом. Впрочем, долго жить в том просторном жилище не пришлось не только этой латышской семье, но и некоторым белорусам или русским из-за последовавших известных исторических событий, которые предусматривали "ликвидацию как класс" подобных зажиточных крестьян.

Глинистый карьер получил белорусское название "цагельня", и все в округе сельчане по примеру латышей освоили производство отличного кирпича для своих нужд. А каково же было стирать тогда, 60 — 70 лет назад, когда ещё и в помине не было ни эффективных моющих средств, как теперь, ни стиральных машин. Надо было сварить щелок из золы осины или ольхи. Белое кипятили в специальному чане. Замоченное бельё расстилали на длинных столах, а затем производили стирку при

помощи деревянных валков (правников), ударяя по белью не беспорядочно, а в определенном ритме: две-три женщины одновременно наносили удары валками и в результате такой тяжелый труд некоторым образом облегчался. На молотильных токах, когда обмолот производился вручную, прибегали к такому же методу: так легче и продуктивнее было трудиться.

С приездом этих переселенцев в наши места словно оживились деревни. У каждой семьи прибывших имелась какая-нибудь сельскохозяйственная техника: молотилка, веялка и др. Латыши на определенных условиях предоставляли соседям свою технику. Вошла в быт крестьянина толока, это тоже было нововведение приехавших; за использование техники, лошадей приходилось отрабатывать. Потом, при раскулачивании, некоторые крестьяне подпишутся под документом, что, дескать, им приходилось работать на кулака. Ну, это уж пусть останется на совести тех, кто этим погрешил.

Могучая волна культуры хлынула вместе с переселенцами. Не только культура быта, но и культура отдыха отличала латышей от местного населения. Несмотря на то, что жили приехавшие в разных уголках района, они держали между собой тесную связь. Больше всего таких людей было в деревне Уно и в Уновском сельсовете. В Уно размещалась Уновская латышская семилетка, а также Уновская ШКМ (школа калгаснай моладзі). В белорусской школе обучалось примерно 170 учащихся. При латышской школе, где было около 300 учащихся, был интернат для детей из отдаленных деревень Горбовского, Гло-

донского, Сутокского и других сельсоветов. Возглавлял латышскую школу со дня её основания Григорий Иванович Вейс, участник гражданской войны, выпускник высшей партийной школы.

Он сплотил талантливый учительский коллектив. Уновская латышская школа считалась лучшей среди национальных школ страны. Кто мог предугадать, что судьба так жестоко обойдется с этим человеком, который так нужен был своей школе, её коллективу учителей и воспитанников, который так славен был не только в своей округе, но и в области, во всей стране. Весной 1937 года скоропостижно скончалась его жена, оставив четверых детей (старшему — 14 лет, младшему — несколько месяцев), а осенью этого же года его арестовали как врага народа и вскоре расстреляли. Вслед за этим сразу же последовал арест двенадцати человек из числа учителей, обслуживающего персонала латышской школы-интерната. Среди них: Эмилия Апш, Иван Бебрис, Карл Бебрис, Карл Проворный, Пётр Смильга, Антон Забак, Павел Забак, Пётр Забак, Пётр Смильга, Аркадий Брильян. Все они были реабилитированы посмертно. Дети бывшего директора были выселены из собственного дома, их приютили добрые люди. Они выросли, получили образование, заняли достойное место в жизни и сейчас проживают в разных уголках нашей страны. Такова же судьба и других детей арестованных "врагов народа".

В 1939 году латышская школа была закрыта. Латыши, хотя и были расселены по всему району, продолжали поддерживать

между собой тесные контакты. Выше уже говорилось о том, что всех представителей этой национальности, как мужчин, так и женщин, отличало большое трудолюбие. Редкая из местных хо-
зяек могла сравниться по мастерству и усердию с латышками, которые могли и сшить, и вышить, и связать, и выткать и т.п.

Точно так же нельзя было сравниваться с ними и в проведении досуга. В летнее время устраивались маевки то в Уно, то в Михалиново. Выбиралось красивое место, куда латыши съезжались на раскрашенных повозках в нарядных национальных одеждах целыми семьями. Это было не пьяное сбощице, а культурное мероприятие, кем-то умело руководимое. Присутствовали здесь и оркестровая музыка, и хоровое и сольное пение, а также хороводы и танцы. На Иван Купалу латыши славили своих мужчин, надевали на них венки из дубовых веток, водили хоровод, пели свою купальскую песню с известным припевом: "Ligo! Ligo!"

К купальному празднику варили пиво, готовили вкусные сыры (не водку). Такие маевки привлекали множество молодежи из окольных деревень и хуторов. Завязывались новые знакомства, дружеские связи, что нередко заканчивалось свадьбой. В этом, как и во всем, не было никаких проявлений национализма. Напротив, было много смешанных браков, которые завершались созданием благополучной, крепкой семьи. Об одной из них и хочется рассказать.

**М. ЕРМОЛАЕВА,
учительница-пенсионерка.
(Продолжение следует).**

(Продолжение.)

Начало в №№ 61, 62)

Следующее мое повествование о латышах-переселенцах будет посвящено семье Лепиных.

Жили они в деревне Буи, где образовался колхоз имени Ворошилова. Ивана Мартиновича, как грамотного человека, избрали счетоводом хозяйства. Ольга Андреевна была рядовой колхозницей. Её назначили звеневою по льноводству. В семье был один ребенок, маленькая дочурка. Вместе с Лепиными жил и престарелый отец Ивана Мартиновича, который не мог ни минуты обойтись без дела. Обычно каждое утро он являлся в бригаду на разнорядку и предлагал свои услуги. Чинил гужевой и сельскохозяйственный инвентарь, мог быть шорником, кузнецом и т.д.

Лепины верили в колхозный строй: сообща, только дружно, можно гору свернуть, считали они. И когда в конторе не было срочной работы, Иван Мартинович шел косить вместе с другими косарями или становился за плуг. По своему отношению к делу, трудолюбию люди никогда не были и не будут равными. Вот и в это хозяйство пришли и настоящие труженики, и просто лентяи: в надежде улучшить свое материальное положение без особого напряжения. По стране уже шагало ударничество. Соседний колхоз именно так и называли — "Удар-

ник", и там уже все работали по-новому, с полной отдачей. На очередное колхозное собрание приехал представитель из района, чтобы познакомиться с местными передовиками. Оказалось, что есть такие и в колхозе имени Ворошилова. Молодой колхозник К. за три часа вспахал под зябь одиночным плугом 0,50 га. Значит, он ударник. Награждаем его красным вымпелом. Гость из района пристегнул ему на грудь красный вымпел. Все одобрительно захлопали в ладони. И гость тоже. Один Иван Мартинович не хлопал, а встал и сказал, что за такую работу надо наказывать, а не поощрять. Качество вспашки настолько плохое, что хуже и быть не может: сплошные ограхи, глубина вспашки очень мелкая. Дерном и камнями загрязнены луговые угодья.

Уполномоченный помрачнел, закрыл сходку и назначил на завтра новую, сказав, что во всем разберемся. На следующий день собрались снова. Но о вспашке и об ударничестве уполномоченный больше не вспоминал. Зато отметил, что в колхоз имени Ворошилова проникли кулацкие элементы и тормозят колхозное строительство, нужно от них освободиться. Здесь же, прямо на собрании, семью Лепиных исключили из колхективного хозяйства с конфискацией всего имущества. Ивана Мартиновича забрали с собой, сказав, что он представят перед судом за свою вредитель-

скую деятельность.

Осталась семья в большом пустом доме без хозяина, без средств к существованию: ни огорода (вся земля до углов отошла под колхоз), ни какой-либо живности. А руки просят работы. Пошла Ольга Андреевна с просьбой: дайте возможность, будущимо трудиться. И снова — отказ. Старик-отец затосковал по сыну, которого ему уже больше не суждено было увидеть. Руки его, привыкшие к работе, остались не у дел. И вскоре он умер...

Что было делать Ольге Андреевне вместе с восьмилетней дочерью Верой? Такие слабые, наедине с такой огромной бедой. Девочка училась в латышской школе. Могла бы жить в интернате, чтобы не преодолевать ежедневно 12 километров. Но им было тяжело переносить свою беду поразень. Иногда по бездорожью и в зимнюю стужу мать сопровождала Веру до школы и обратно. Чтобы как-то прокормиться, она вынуждена была батранчить у соседей за литр молока, за кусок хлеба. Благо умела и шить, и вязать, и прядь. После окончания Уновской латышской средней школы дочь поступила в Ленинградское латышское педучилище, которое окончила в 1941 году и приехала к матери в родную деревню.

...Война сорвала Лепиных с насиженного места в Буях и они перекочевали в деревню Брежево, где жили их

далекие родственники. Так и прожили они черные дни оккупации.

Кажется, отошла на задний план боль утраты близких людей: мужа, отца, дедушки. Теперь каждый день приходилось испытывать голод, холод, страх. Почти каждый день в деревню врывались каратели, терзали жителей за связь с партизанами, кого-то забирали с собой и тот, как правило, уже не возвращался домой.

Наконец, в октябре 1943 года пришло долгожданное освобождение. Жизнь возвратилась в деревню: кто-то разыскивал своих родных, которые более двух лет находились под фашистским ярмом. Мать и дочь Лепины радовались за тех, кому удалось отыскать близких людей, плакали вместе с теми, кто получил похоронное извещение, и думали: "Пусть бы лучше и нам пришла "похоронка", чем такая безызвестность, что тянется уже 12 лет."

А то событие — арест отца и мужа давало о себе знать ежедневно, ежечасно. Уже в первые дни после освобождения в деревню Брежево, как частично уцелевшую в войну, начали свозить отовсюду с освобожденной территории осиротевших детей — здесь открылся разновозрастной детский дом. Требовались кадры: учителя, воспитатели, другой обслуживающий персонал. Вера Лепина, как учитель по образованию, по зову сердца явилась к руководи-

телю учреждения с просьбой принять ее на работу. Девушку радостно встретили и стали оформлять прием на работу. И тут натолкнулись на проблему. Вера Ивановна не могла вразумительно объяснить, за что же арестовали её отца в далеком 1931-м году. То, что все это время семья не получала писем от осужденного, несколько успокоило директора. Решено было принять В. И. Лепину на работу временно (до выяснения в КГБ вопроса об отце). Если и в самом деле он арестован как враг народа, то имеет ли моральное право его дочь быть воспитателем, учителем?

Детдом начал работу уже в конце октября. Так как подходящего здания не нашлось и не сразу был создан материальный фонд, детей на какой-то срок разместили по всей деревне, в каждый дом — по несколько малышей и подростков: в надежде на милосердие хозяев. Поначалу все сельчане принимали участие в санитарной обработке ребятишек, их переодевании и кормлении. Для этого собирали всё, что можно. Тем же занимались и воспитатели. Затем, со временем, все стабилизировалось.

Жизнь пошла своим путем и Лепины по-прежнему ничего не знали о судьбе близкого человека.

**М. ЕРМОЛАЕВА,
учительница-пенсионерка.
(Продолжение следует).**

(Продолжение.)

Начало в №№ 62, 64)

Буквально в течение двух недель после ареста Иван Мартинович Лепин был уже в далекой Сибири. Известная Байкало-Амурская магистраль начала строиться в начале 30-х годов. И возводили её заключенные. В июне 1941 года было построено первых 108 километров.

В своих воспоминаниях Иван Мартинович делился впечатлениями об условиях труда и быта в ГУЛАГе. Орудиями труда были лом, лопата, кайло, тачки. Никакой другой техники не имелось. Многокилометровую черную грязь снесли на руках в болото арестанты. Зимняя спецодежда мало чем отличалась от летней. Между тем летом — жара, зимой — нестерпимый мороз. Постоянное ощущение голода. Правда, за перевыполнение дневной нормы выработки увеличивали и норму продуктов. А первая была так велика, что не всегда удавалось её выполнить. О каком перевыполнении могла идти речь... Если не выполнил норму, то продляли рабочий день. Выполнишь норму — иди отдыхай, не выполнишь — оставайся на рабочем месте.

Надсмотрщиков и учётов было предостаточно. Подгоняли, торопили и постоянно упрекали, что арестованные, подразумевалось «кулаки», привыкли жить и обогащаться за счет других. А теперь вот, мол, потрудитесь сами. Всегда в таких случаях хотелось возразить, но опыт показал, что лучше молча согласиться.

Изредка устраивали для заключённых баню. Но это была своего рода пытка, проверка на выносливость. В барак, где стояли бочки с водой, впускали несколько десятков человек. Не было ни скамеек, ни тазов, а считанные кусочки мыла переходили из рук в руки. Вот в таком своеобразном холодном аду надо было «мыться» не менее 30 минут. Выходя, а точнее, выскакивая оттуда, арестованные хватали свое или же чужое белье, которое прошло «дезинфекцию» на морозе и наспех одевались,

стучали зубами (если они были), а затем бежали согреться в такой же неуютный барак. Вредные же насекомые действительно погибали от холода. Уже ради этого стоило идти в так называемую баню.

Летом баня была точно такая же. Вот только белье бросали в дизкамеру, чтобы уничтожить паразитов. После таких процедур назавтра многие из заключенных не могли подняться даже при самых настоятельных командах надзирателей, задыхаясь от скоротечной пневмии и других заболеваний дыхательных путей. Перенаселенность, скученность людей в бараках, отсутствие гигиены быта в течение долгого времени вызывали вспышки тифа, который уносил десятки, сотни жизней.

Хоронили умерших в общих могилах, без всяких надписей над захоронением. Из прибывших на эту катогру нескольких тысяч человек за время нахождения на ней И. М. Лепина осталось немногим более одной тысячи.

«23 июня 1941 года исполнилось ровно 10 лет моего заключения в аду, — вспоминал Иван Мартинович. — Сразу не верилось, что можно прожить хоть один год в таких условиях, а прожили. Вместе со мной освобождались, отбыв срок, больше 20 человек. Накануне нас отправили в настоящую баню, обслужили в парикмахерской и выдали форму. Правда, всю ту же форму заключенных, но не бывшую в употреблении. Затем нас повели в ближайший военкомат, так как все мы еще не были сняты с учета. Прежде, чем выдать военные билеты, нас поздравили с освобождением, отметив, что теперь мы равноправные граждане своей страны, но за свои преступления Советское государство определило нам по сути слишком мягкое наказание. Есть возможность послужить своей стране, окончательно исполнить свою вину. И здесь мы услышали от выступающего перед нами военного комиссара страшное известие: вчера на нашу страну напала фашистская Германия. Далее мы слу-

шили его информацию о ходе военных действий, о том, что фашисты бомбардируют наши города, что враг продвинулся уже на значительное расстояние, а в Бресткой крепости наши командиры и красноармейцы стоят насмерть. На вопрос комиссара, кто из нас желает пойти на фронт (сегодня же — отправка) все ответили дружным согласием».

В лагере жизнь заключённых часто висела на волоске. Имелась ли одна возможность умереть, но тогда было страшно уйти безвестно из жизни: что будут думать о них родные, близкие? Не хотелось умирать без вины виноватым. Верилось, что когда-нибудь правда восторжествует. И вот представилась возможность сражаться вместе с другими защитниками отечества, умереть за родину в честном бою. Такая смерть не страшна. По крайней мере, семья будет знать, что не в тюрьме погиб близкий человек.

Вскоре И. М. Лепин был в действующей армии. Воевать пришлось в штрафной роте. Эти части попадали на самые «горячие» участки фронта. Первый раз он был ранен под Москвой осенью 1941 года. Потом еще дважды получил ранения. Победу встретил в Берлине. За все годы войны не имел никакой весточки от семьи. Посыпал солдатские треугольники по старому адресу, в деревню Буй, но родные там уже не проживали. Почтальоны просто не брали его письма с почты. Мол, зачем это делать, если там такие не живут. Фронтовики радовались победе и тому, что скоро вернутся на родину. Но им объяснили, что с одним врагом — фашистами, покончено, а на Востоке нам давно угрожает другой агрессор — империалистическая Япония. Значит, рано прощаться с оружием. Но всему приходит конец...

Домой Иван Мартинович вернулся в 1946 году. Нашел жену и дочь в деревне Брежово. Было и радостно, и тревожно. Хорошо, что вернулся живым и невредимым, через пятнадцать лет разлуки с близкими людьми. Но тень прошлого,

тень «врага народа», осужденного за антигосударственную деятельность, не давала спокойно жить. Об этом лишний раз напомнили и в НКВД. Но ордена и медали, да три нашивки на гимнастёрке, свидетельствующие о ранениях, несколько успокаивающие подействовали на жену и дочь. Всё же не из тюрьмы вернулся — всю Отечественную прошел. Как-никак, а побывал на двух войнах.

Здесь уместно будет сделать маленькое отступление. Следует сказать о том, как были одеты люди после войны. Они не обновляли свои гардеробы по известной причине в течение четырех лет. Война уничтожила всё, что имелось в запасе. Так что и после победы на плечах бывших фронтовиков была повседневная, отнюдь не парадная одежда. То же касалось и тех, кто оставался в тылу. Вчерашние солдаты не имели возможности сменить надоевшую военную форму на штатскую одежду. Снимали только погоны со знаками различия, награды же оставляли. Долгое время ходили, позывая своим орденами и медалями. Во-первых, потому, что они дорого достались воевавшим, а, во-вторых, эти награды красноречивее всяких слов характеризовали человека — где и кем был в войну.

Рядовой Лепин, подобно другим, также ежедневно носил свою старую форму. И когда приходил устраиваться на работу, сразу же получал положительный ответ и принимался оформлять на должность. Но едва дело доходило до предвоенного времени, ему тут же отказывали в приеме на работу. Дескать, дела по роду деятельности придётся иметь с финансами, а такой большой срок судимости не внушает доверия. С одинаковой вежливостью Ивану Мартиновичу отказывали и в сберкассе, и в отделении госбанка, и в других местах, куда он пытался трудоустроиться.

**М. ЕРМОЛАЕВА,
учительница-пенсионерка.
(Продолжение следует).**

(Продолжение.)

Начало в №№ 62, 64, 66.

Когда И. М. Лепин, почти отчаявшись найти работу, зашел в районный отдел образования, который располагался в маленьком домике по Колышанской улице (ныне улица Фомина), за одним из столов в офицерской гимнастерке со множеством орденов и медалей узнал заведующего отделом. Тот, чтобы не мешать работающим сотрудникам, поднялся, подошел к посетителю и, подав руку для приветствия, спросил: «Солдат, видно, ко мне пожаловал. Я — заведующий РОНО, Константин Михайлович Чернецкий, капитан в отставке». Не дожидаясь ответа, продолжал: «Что преподавать будешь, солдат?» Лепин представился жизнерадостному начальнику и выразил сожаление, что он не педагог, а всего лишь бухгалтерский работник. А здесь как раз требовался бухгалтер. Константин Михайлович пригласил пришедшего к своему столу, подал ему личный листок по учету кадров. Но прежде, чем начать заполнять его, Иван Мартинович исповедался заведующему о перипетиях своей жизни, начиная с 1931 года. Затем рассказал о ГУЛАГе, военных дорогах, семье, нынешнем хождении в поисках работы.

Проницательный начальник увидел в своем будущем подчинённом честного, добропорядочного человека и рассказал ему историю такого же бесхитростного латыша, также осужденного в 1931 году, но не возвратившегося из мест лишения свободы. Сказал, что Иван Мартинович — порядочный человек и что в скором времени он будет признан невиновным, то есть его реабилитируют. Прав оказался К. М. Чернецкий: так оно и случилось.

Не одно десятилетие отработал И. М. Лепин бухгалтером РОНО. Долгое время был в бухгалтерии отдела один, выполняя функции всех работников, положенных по штату. Школ в районе имелось немало. В послевоенное время в каждой из них шли строительные или восстановительные работы.

Все документы проходили через бухгалтерию районного отдела образования. Бухгалтер РОНО составлял ведомости на получение зарплаты по всем школам. Правда, в средних школах были счетоводы, функции которых по совместительству выполняли учителя, но требовалась постоянная проверка их работы. Приобретение инвентаря, наглядных пособий для школ тоже проходило через бухгалтерию райотдела. Зарплата у Ивана Мартиновича была одна — оклад главного бухгалтера. Случалось, что не управившись со всеми делами за восьмичасовой рабочий день, он набивал портфель документами и долгими вечарами до полночи засиживался за столом, выполняя «домашнее задание». В шутку (и всерьез) домочадцы называли его — «наш министр финансов». Он не сердился, сознавая, что является плохим помощником по дому. Зато в отделе — полный порядок. Здесь он, что говорится, пришёлся ко двору. Наблюдательность, жизненный опыт и трудолюбие позволяли ему освоить работу всего отдела. Своими советами И. М. Лепин помогал заведующему по кадровым вопросам. Инспектор и методисты так же советовались с ним, как лучше сформулировать текст акта проверки, отчета, как правильнее выразить мысль в приказе или характеристике. А нередко и просто спрашивали, как правильно пишется то или иное слово: за войну многое забылось. И он охотно помогал каждому. Вот и закрепились за ним шуточные прозвища — «Справочник», «Энциклопедия», «Словарь». Свои финансовые документы этот человек всегда оформлял настолько аккуратно, чётким каллиграфическим почерком. Теперь такой трудно где-нибудь встретить. Самые скрупулезные и придирчивые ревизоры никогда, за все время его пребывания на этой должности, не обнаружили у главбуха ни одного финансового нарушения. И, уезжая, с благодарностью пожимали руку заведующему и его подчинённому. И. М. Лепина неоднократно приглашали в отделение госбанка, куда его не приняли на работу: там и работы меньше, и оклад гораздо выше. Но Иван Мартинович, поблагодарив, неизмен-

но отвечал, что человеческое взаимопонимание и доверие — выше всякой иной награды. Со временем появились и сотрудники в его бухгалтерии. Ветеран щедро, по-отцовски, делился с ними опытом, учил работать без ошибок, за что молодое пополнение было искренне ему приятельно.

Даже в свои шестьдесят Иван Мартинович не смог уйти на заслуженный отдых, так как десять лет, проведенных за колечкой проволокой не шли в зчёт трудового стажа. Пришлось продолжать работать. А в 1972 году эту семью постигло большое горе — умерла Ольга Андреевна Лепина. Арест, а затем отсутствие мужа, хозяина и кормильца в течение 15 лет, скитание по чужим углам, трудные военные и не менее сложные послевоенные годы оказались на её здоровье. Смерть матери подкосило и Веру Ивановну, в результате чего, она вынуждена была досрочно пойти на пенсию, болезнь давала о себе знать. Две небольшие пенсии с трудом могли удовлетворить минимальные потребности отца и дочери, и без того проживших свою жизнь в постоянной нужде. Но они никому не жаловались, ни у кого не просили подмоги, никого не упрекали. От материальной помощи эта семья отказывалась. Не требовал Иван Мартинович и возврата стоимости конфискованного некогда имущества, возмещения морального ущерба.

Когда пришло сообщение о реабилитации и о том, что ему будет возмещено всё, что он утратил в результате судимости, тот ответил, что документ, подтверждающий его невиновность очень нужен был ему на фронте, где он слышал как бывший «враг народа», и еще больше — после войны, когда с таким недоверием к нему относились при попытке устроиться на работу. А сейчас это уже слишком запоздалая радость, подчёркнул он. Но тем не менее созвал к себе соседей, близких и знакомых людей, с которыми разделил приятную новость.

Со стороны казалось, что Лепины

замкнулись только в своём кругу, живут лишь собственными проблемами. Но это совсем не так. До последних дней к ним шли письма, бандероли, посылки от родственников и знакомых латышей, а также коллег по работе. По зову сердца приходили в этот дом бывшие учителя и ученики, бывшие соратники по работе. Из своей скромной пенсии выкраивали деньги на то, чтобы выписать периодическую печать, оба были активными читателями районной библиотеки.

Всего два месяца не дожил Иван Мартинович до своего столетия. Причём все долгие годы отличался завидным здоровьем и бодростью духа. Только уже в самом конце, накануне кончины, к нему пару раз вызывали «скорую помощь». Анализируя свою жизнь уже в последние её дни И. М. Лепин благодарил судьбу за долгий век, который ему был дарован. Никогда и никого не упрекал за свои земные страдания, даже за тот страшный ГУЛАГ. Думается, что такое долгое пребывание на земле было ему дано за большое человеколюбие, трудолюбие, терпение. И, конечно же, за то, что он никогда не прибегал к «спасительной» силе курения или рюмки. Всегда был оптимистом и не жаловался на жизненные невзгоды.

Вот уже девять лет как нет среди нас этого замечательного человека. А год назад не стало и его дочери, Веры Ивановны. Она была талантливым педагогом, знала в совершенстве многие языки, в том числе русский, белорусский, латышский, немецкий. До последних дней жизни главной ее потребностью было общение с людьми, с периодической печатью, книгами. Постоянно интересовалась делами школы, которой отдала лучшие свои годы. К сожалению, эта женщина не смогла реализовать до конца весь свой багаж знаний, человеческих возможностей. Не оставила она и наследников, но зато покинула глубокий след в сердцах тех, кого воспитывала, и кто с ней общался.

**М. ЕРМОЛАЕВА,
учительница-пенсионерка.
(Окончание следует).**

(Окончание. Начало
в №№ 62, 64, 66, 69)

И еще об одной латышской семье хочу рассказать читателям газеты.

В деревне Михалиново проживал вместе со своими близкими переселенец К. П. Стырно. По-видимому, он имел медицинское образование, потому, что служил в кавалерийском полку фельдшером и одновременно ветеринаром. После империалистической войны возвратился домой, принялся за свои обычные крестьянские дела. Росли в семье и дети. Их было пятеро, старшенькая — Ольга, дальше — Валентина, Елена, Александр, Владимир. Карл Петрович известен был как лекарь, народный целитель. Он безошибочно устанавливал диагноз, лечил ангину, склеротину, воспаление легких, разные желудочные заболевания и т.д. Разумеется, лечил без медикаментов, прибегая к таким средствам, как вода, травы, руки врача, его слово, слова психотерапевта. Карл Петрович был всегда заинтересован в результативности своего врачевания, что во второй раз он уже сам являлся к больному, дабы убедиться, что лечение идет успешно. За свои услуги

ЖИЛИ ЕДИНОЙ СЕМЬЕЙ

никогда не требовал вознаграждения, ссылаясь на то, что тогда, дескать, лечение может не помочь человеку.

Обращались к нему за помощью и по вопросам ветеринарии, в чем он был не менее сведущ. Секретов из своей врачебной деятельности он не делал. На против учил людей, пропагандируя целительную силу воды, лечебных трав и т.п. Доброе дело, которое Карл Петрович творил для людей, обернулось для него злом, непоправимой бедой. В 1931 году он был арестован. Ему инкриминировали шарлотанство, одурачивание людей в целях личного обогащения. И хотя многие люди, кому он когда-то помогал, отстаивали его, заверяя, что он никогда ни с кого не требовал платы, это не помогло. Ордена, которые он получил за заслуги в военной службе, тоже не спасли его. Бережет царские награды — значит, не наш, не советский человек. Суд приговорил К. П. Стырно к расстрелу (его реабилитируют посмертно спустя три с лишним десятилетия).

Имущество конфисковали, жену с детьми высыпали из дома, который надо было предоставить в распоряжение бедняков Занковых с двумя детьми. И, руководствуясь пролетарской бдительностью и чувством интернационализ-

ма, сюда вселили китайца Ильюха. Это был «корбейник» без определенного местожительства. Задерживался то в одной, то в другой деревне на короткое время, затем, подогреваемый чувством торгашества и бродяжничества, снова нагружал свой короб петушками на палочках, бумажными веерами и другой мелочью, а затем отправлялся по базарам и деревням. В доме Стырно было просторно, но холодно. Ильюха ходил в сельсовет с просьбой дать ему «хату с теплой печкой». А потом снова пошел по деревням — там у людей и веселее, и уютнее.

А Занковы начали обогреваться, пуская на топливо надворные постройки, кулацкие толстые книги, стулья. Колхозное правление, видимо, боясь, что и дом пойдет на топливо, Занковых выселило, а здание перевезли в центр колхоза для каких-то общественных нужд.

Соседи Стырно — Балины, хоть и их семья была немаленькая, приняли в свой дом оказавшуюся зимой под открытым небом семью Карла Петровича. Добрые люди делили с несчастными кров и стол. Жена Стырно сходила в райцентр с просьбой воз-

ратить детям хотя бы одну конфискованную корову. В райисполкоме ей сказали, что она должна быть благодарна уже за то, что не оказалась со своими детьми в Сибири. Написала жалобу в ЦИК Белоруссии. Пришел положительный ответ: возвратить одну конфискованную корову. Но в общественном стаде не осталось ни одной кулацкой конфискованной бурёнки: их колхозники уже обменяли на своих худоб или зарезали на мясо, как было принято решение общего собрания — для проведения очередного застолья по случаю революционного праздника. Так и не воспользовались Стырно гуманным решением ЦИКа — не взяли вместо своей коровы чужую худобу.

Время шло. Подрастили дети, учились, служили в армии. Все стали честными гражданами. Судьба разбросала их по разным уголкам страны. И только старшая из детей, Ольга, осталась на родине. Вышла замуж за земляка-белоруса Кулакова, который

в 1941 году ушел на фронт, да так и не вернулся, погиб за Родину, оставил на руках у жены малолетнего сына. Она смогла достойно воспитать его. Окончив школу, поступил в Высшее мореходное училище. Служил долгое время во флоте (на подлодке). Сейчас в статусе пенсионера живет в городе Одесса, имеет детей и внуков.

Ольга Карловна прожила большую трудовую жизнь, длиною в 90 лет. Отличноправлялась с работой в колхозе, неоднократно поощрялась за доблестный труд. Запомнилась соседям как добрый, душевный человек, готовый всегда прийти на помощь. До последнего дня жизни самаправлялась с ведением домашнего хозяйства. Всегда считала, что долголетие — это посильный труд, здоровый образ жизни, доброжелательность, хорошее отношение к людям, ко всему живому. Через многие-многие годы пронесла Ольга Карловна жизненное кредо своего отца — живи с людьми и для людей, и жизнь покажется тебе прекрасной.

Е. ЕРМОЛАЕВА,
учительница-пенсионерка.

От редакции. Мы заканчиваем публикацию серии материалов, посвященных латышам-переселенцам и их судьбам. Хочется надеяться, что они станут данью нашего уважения к представителям этой национальности, запоздалым признанием их заслуг и того, что они привнесли в нашу жизнь и культуру.